ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ИНСАРСКАГО.

Тревога въ Театральномъ Управленіи. [1])

1853.

.....Вскорѣ послѣ моего причисленія къ Почтовому департаменту, Ѳ. И. Прянишниковъ спросилъ: не желаю-ли я помочь департаменту? «У насъ накопилось много судныхъ дѣлъ», прибавилъ онъ, «и если вы знакомы съ этимъ родомъ дѣятельности, то помощь ваша будетъ имѣть для насъ большую цѣну». Я отвѣчалъ, что буду дѣлать и исполнять все, что дадутъ, и хотя судебными дѣлами никогда не занимался, но зналъ, по многимъ опытамъ, что не боги же горшки обжигаютъ.

Въ почтовомъ департаментѣ существовало особое, второе, отдѣленіе для разбора судебныхъ дѣлъ по почтовой части, какъ напримѣръ: грабежъ почтъ, пропажа корреспонденціи, проступки чиновниковъ и т. п. Начальникомъ этого отдѣленія былъ нѣкто Ж. Кромѣ бездарности, онъ былъ и безпеченъ въ изумительной степени и больше занимался постройкою дома, чѣмъ дѣлами департамента. Строилъ домъ онъ на деньги жены, которая была дочерью нѣкогда довольно извѣстной танцовщицы Телешовой, плѣнявшей публику ролью нѣмой Фенеллы. Но Ж. и въ частномъ быту былъ такъ же мудръ, какъ и въ мірѣ дѣловомъ: когда онъ выстроилъ домъ, жена его бросила и домъ у него отняла, такъ что,

[1]) Новый отрывокъ изъ записокъ В. А. Инсарскаго (первый — помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» 1874 г., т. IX, стр. 301—322) печатается по поводу воспоминаній П. А. Каратыгина о русскомъ театрѣ прежняго времени («Рус. Стар.» 1873 г.). Воспоминанія В. А. Инсарскаго печатаются съ весьма значительными пропусками, сдѣланными самимъ авторомъ. Ред.

при всей своей тупости, онъ страшно упалъ духомъ и скоро умеръ. Когда заявлена была мною готовность на всѣ возможныя работы по департаменту, у Ж. потребовали списокъ дѣламъ, лежавшимъ въ его отдѣленіи безъ движенья и, какъ вещь обыкновенную, передали его мнѣ съ правомъ работать и расправляться съ этими дѣлами, какъ умѣю и какъ знаю. Когда я пожелалъ взглянуть на эти дѣла, мнѣ показали необъятное число томовъ, изъ которыхъ они состояли.

Отступать было невозможно. Я запасся всевозможными книгами, относящимися къ разнымъ судебнымъ процедурамъ и старался изучить какъ ихъ содержаніе, такъ и наши законы по этой части. Предстоящія работы напомнили мнѣ работы моей молодости, по части люстраціонной, столь же незнакомыя, столь же сложныя и столь же трудныя.... Къ тому же я былъ нездоровъ, а между тѣмъ, никакія другія дѣла не требовали столь глубокаго вниманія, какъ эти дѣла, иногда состоящія изъ десяти, пятнадцати томовъ, наполненныхъ показаніями, постановленіями, вопросными и отвѣтными пунктами. Отъ одного чтенія всей этой массы писаной бумаги, при моемъ болѣзненномъ состояніи, кружилась голова. Между тѣмъ быстрота, съ которою я началъ расправляться съ этими дѣлами, стала производить эффектъ. Заданный мнѣ урокъ быстро уменьшался и дѣла, залежавшіяся по нѣскольку лѣтъ, получили движеніе.

Прежде, нежели я кончилъ эту задачу, мнѣ стали давать другія серьезныя порученія. Одно изъ нихъ польстило значительно моему самолюбію и поставило меня въ личныя отношенія къ самому графу Владиміру Ѳедоровичу Адлербергу. Въ почтовомъ вѣдомствѣ существуетъ такъ называемый совѣтъ главноначальствующаго, составленный изъ заслуженныхъ и высшихъ лицъ этого вѣдомства. [1]) Въ совѣтѣ полагается правитель дѣлъ, въ V классѣ; но должность эту исполнялъ одинъ изъ членовъ совѣта, Кожуховъ, бывшій впослѣдствіи московскимъ почтъ-директоромъ, находя выгоднымъ получать содержаніе по обѣимъ должностямъ. Кожуховъ долженъ былъ уѣхать куда-то и исправленіе должности правителя дѣлъ совѣта, имѣющаго личный докладъ

[1]) Съ причисленіемъ почтоваго управленія къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, отдѣльный почтовый совѣтъ уничтоженъ. **В. И.**

главноначальствующему, было предоставлено мнѣ. Въ дѣлахъ по совѣту не было недостатка, и я, составляя журналы, давалъ подписывать ихъ нашимъ членамъ, и затѣмъ докладывалъ ихъ графу В. Ѳ. Адлербергу. Для этихъ докладовъ не было опредѣленнаго дня и, каждый разъ, когда мнѣ нужно было видѣть графа, я письменно испрашивалъ у него назначенія дня и часа, когда ему угодно меня принять. Поразительно точный и безпримѣрно трудолюбивый графъ не только собственноручно отвѣчалъ мнѣ, но собственноручно надписывалъ пакеты на мое имя. Обремененный двумя министерствами и осаждаемый всевозможными докладами и докладчиками, онъ назначалъ для моихъ докладовъ, большею частью, или очень раннее, или очень позднее время. Мнѣ случалось много разъ докладывать ему зимой въ шестомъ часу утра, при свѣчахъ.....

Я не могу безъ восторга вспомнить объ этихъ личныхъ моихъ сношеніяхъ съ графомъ.

На мои глаза, графъ былъ образцомъ доброты, благородства и истинно вельможеской вѣжливости. Работалъ онъ изумительнымъ образомъ и непостижимо было, когда онъ успѣвалъ столько писать и подписывать....

Кто не зналъ, кто не помнитъ Политковскаго, этого петербургскаго Монтекристо, какъ его тогда называли? Я былъ знакомъ съ нимъ, такъ сказать, шапочнымъ образомъ. На видъ это былъ небольшой, пузатенькій, черноватый господинъ, непредставлявшій въ своей наружности ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ манеръ, самоувѣренныхъ въ высшей степени.

Я зналъ также возлюбленную его, танцовщицу Волкову, которая нисколько не отличалась красотою, но на которой замѣтно отражались роскошныя и неистощимыя средства этого волшебнаго богача. Но тѣ, которые ближе знали обстановку Политковскаго и домашнюю его жизнь, разсказывали просто невѣроятныя вещи о баснословной его роскоши. Послѣ каждаго бала или вечера, которые задавалъ Политковскій, ходили долго толки о чудесахъ, которыми они сопровождались.

Несмотря на проявленіе такого поразительнаго богатства, конечно, никто не находилъ забавнымъ останавливаться на соображеніи источниковъ, изъ которыхъ оно идетъ. Большинство думало, что тутъ главную роль играли карты, которыя многимъ

доставляютъ обильныя средства, замѣняя имѣнія, мѣста и другія правильныя статьи. Этихъ правильныхъ статей у Политковскаго не было; о его большихъ имѣніяхъ вовсе не было слышно; мѣсто занималъ онъ средней руки и именно директора канцеляріи въ комитетѣ раненыхъ, съ обычнымъ содержаніемъ, какое присвоено всѣмъ директорскимъ мѣстамъ, и которое въ своихъ предѣлахъ удерживаетъ всякую роскошь. Политковскій долго гремѣлъ своимъ богатствомъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ инвалидномъ капиталѣ оказалось похищеніе нѣсколькихъ милліоновъ, которые Политковскій умѣлъ постепенно забирать и тратить. Политковскій посаженъ въ крѣпость, гдѣ скоро и умеръ, вѣроятно, отравившись. Между стариками генералами, членами комитета, пошла страшная передряга. Гнѣвъ Императора Николая Павловича не зналъ предѣловъ. Всѣ министры сильно встревожились и стали осматриваться, все-ли у нихъ цѣло.

Во время этой суматохи, графъ В. Ѳ. Адлербергъ командовалъ двумя министерствами—императорскаго двора и почтовымъ. И въ томъ, и въ другомъ министерствѣ совершалось движеніе громадныхъ суммъ. Графъ тоже нашелъ необходимымъ удостовѣриться, все-ли у него, по этой части, въ порядкѣ и цѣлости.

Съ этою цѣлью, онъ предположилъ учредить изъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ особую коммиссію; въ эту коммисію графъ зачислилъ и меня. Кожухову, о которомъ я выше говорилъ, приказано было составить всеподданнѣйшій докладъ по этому предмету, который и былъ высочайше утвержденъ.

Но прежде, нежели коммиссія приступила къ дѣлу, я получилъ отъ Ѳ. И. Прянишникова слѣдующую записку: «Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ проситъ васъ пожаловать къ нему завтра, въ воскресенье, 15-го марта, къ половинѣ одинадцатаго, во дворецъ, въ кабинетъ его, находящійся въ квартирѣ покойнаго министра двора. Подъѣздъ съ дворцовой набережной».

Когда я явился, графъ В. Ѳ. Адлербергъ пригласилъ меня въ кабинетъ и началъ словами:

— «У меня къ вамъ просьба. На театральное управленіе поступилъ доносъ. Вы у насъ считаетесь знатокомъ слѣдственныхъ дѣлъ и, кромѣ васъ, я не имѣю никого, кому бы могъ

поручить произвести слѣдствіе по этому доносу. Ревизіонная коммиссія не пострадаетъ, если я васъ возьму изъ ея состава, а вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, если займетесь этимъ важнымъ дѣломъ».

— По закону есть формальныя слѣдствія и простыя дознанія», сказалъ я. Поэтому мнѣ необходимо указаніе вашего сіятельства: долженъ-ли я производить формальное слѣдствіе, въ которомъ есть много стѣснительныхъ и непріятныхъ форменностей для всѣхъ личностей, имѣющихъ отношеніе къ вопросу, или только ограничиться дознаніемъ, такъ сказать, предварительнымъ и домашнимъ слѣдствіемъ?

— «Формальное, формальное!» рѣшительно сказалъ графъ.

Данное мнѣ порученіе надѣлало, въ свое время, шуму въ Петербургѣ.

Начать съ того, что я много разсматривалъ слѣдственныхъ дѣлъ по почтовому вѣдомству, но самъ дотолѣ никогда не производилъ слѣдствія. Слѣдовательно, трудность этого порученія увеличилась для меня новизною его. Но понятно, что отказываться я не могъ, да и не хотѣлъ, опять таки на томъ основаніи, что не боги же горшки обжигаютъ. Первымъ моимъ дѣломъ было опять запастись книгами и другими матеріалами, относящимися къ предстоящему мнѣ дѣлу...

Директоромъ театровъ былъ въ то время А. М. Гедеоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ къ разряду первыхъ чиновъ двора.

Общіе отзывы объ А. М. Гедеоновѣ, какъ о человѣкѣ и какъ объ администраторѣ, были довольно неопредѣленны, такъ что я рѣшительно не могу сказать ничего положительнаго, чтобы начертать сколько-нибудь яснымъ образомъ его нравственную физіономію. Изъ личныхъ же моихъ съ нимъ сношеній, истекавшихъ изъ возложеннаго на меня дѣла, несмотря на то, что сношенія эти, помимо моей личности, не могли представлять для него ничего хорошаго, я вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Его привѣтливость, милое обращеніе, отличавшееся какимъ-то чистосердечіемъ,—ложнымъ или искреннимъ, это другой вопросъ,—мнѣ чрезвычайно нравились и привлекали къ нему. Онъ имѣлъ видъ барина и царедворца. Говорили, что онъ самъ мало занимается

дѣломъ, и то преимущественно внѣшнею его стороною, а что вся основная, хозяйственная часть находится въ рукахъ, такъ называемыхъ, ближайшихъ его помощниковъ.

Первымъ и главнымъ помощникомъ его былъ знаменитый К—въ, который былъ только управляющимъ конторою театровъ, а на самомъ дѣлѣ былъ могущественнымъ и неограниченнымъ повелителемъ всего театральнаго міра. Кто не знаетъ и не помнитъ К—ва? Если говорили о театрахъ, если имѣли какое-либо дѣло до театровъ, на первомъ планѣ былъ всегда К—въ, какъ будто бы ни А. М. Гедеонова, ни другихъ личностей, имѣющихъ значеніе въ этомъ мірѣ, не существовало. Въ то же время К—въ имѣлъ далеко не безукоризненную репутацію.... Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему, посредствомъ различныхъ театральныхъ услугъ и смѣтливостью ловкаго человѣка, образовать и поддерживать обширныя и сильныя связи; такъ что въ результатѣ выходило, что хотя всѣ признавали его человѣкомъ не вполнѣ возвышенныхъ правилъ, но въ то же время онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ самымъ крѣпчайшимъ образомъ... Добрые друзья мои обращали на эту сторону особенное мое вниманіе и предупреждали, что тутъ можно отличиться, но можно и самому шею сломать... Другимъ помощникомъ А. М. Гедеонова былъ не менѣе знаменитый Оберъ, директоръ театральной школы, знаменитый тѣмъ, что онъ считался, какъ говорили, самымъ ловкимъ и усерднымъ устроителемъ отношеній театральныхъ воспитанницъ съ сильными міра сего. Дѣла образованія воспитанницъ, дѣла серьезнаго управленія школою онъ вовсе не понималъ, какъ тотчасъ убѣдился я данными, истребованными къ моему дѣлу. Впрочемъ, этого господина я лично вовсе не видѣлъ, потому что какъ только мнѣ поручили слѣдствіе, онъ перетрусился и скрылся подъ видомъ болѣзни, сдавъ управленіе школою помощнику своему, Аубелю, тоже порядочному трусу.

Весь этотъ театральный составъ графъ Владиміръ Ѳедоровичъ наслѣдовалъ отъ своего предмѣстника князя П. М. Волконскаго. Говорили, что князь Волконскій не любилъ графа, быть можетъ, именно потому, что видѣлъ въ немъ человѣка, который, рано или поздно, станетъ на его мѣсто. Понятно, что и графъ, въ свою очередь, не могъ симпатизировать ни своему предмѣстнику, ни тѣмъ личностямъ, которыя были въ ходу при немъ. Всѣ

утверждали, что графъ далеко не ставитъ высоко ни К—ва, ни Обера. Рѣшительное приказаніе, данное мнѣ, произвести непремѣнно формальное слѣдствіе, казалось, подтверждало эти слухи. Привожу все это здѣсь для того, чтобы объяснить точку, съ которой я долженъ былъ смотрѣть на дѣло, возбудившее въ Петербургѣ почти всеобщее вниманіе.

Донось на театральное управленіе, переданный мнѣ графомъ, былъ представленъ ему ничтожною личностью и отличался ничтожностью содержанія. Какой-то маленькій чиновникъ, служившій въ конторѣ театральной школы и выгнанный оттуда, жаловался на какія-то притѣсненія и указывалъ на какіе-то безпорядки. Я тотчасъ вытребовалъ этого господина и пригласилъ его развить подробно свѣдѣнія о безпорядкахъ, на которые онъ указывалъ. Помню, онъ что-то болталъ, но существеннаго и рельефнаго ничего не представилъ, такъ что онъ имѣлъ только цѣну предлога, по которому можно было покопаться въ театральныхъ дѣлахъ. Такъ какъ этотъ доносчикъ былъ изъ отставныхъ, то я тотчасъ потребовалъ депутата отъ губернскаго начальства и мнѣ командировали бывшаго тогда чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, Спасскаго, брата того Спасскаго, который занималъ должность Калужскаго губернатора. Спасскій былъ милый, образованный, дѣльный молодой человѣкъ, о которомъ я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ. Онъ выслушалъ мой взглядъ, посмотрѣлъ на первые мои шаги, совершенно одобрилъ то и другое и предоставилъ мнѣ полнѣйшую свободу дѣйствій, ограничиваясь только подписью тѣхъ бумагъ, гдѣ подпись его, по закону, была необходима...

Взглядъ мой на дѣло былъ таковъ, что доискиваться, во что бы то ни стало, различныхъ преступленій и злоупотребленій по театрамъ, когда къ этому не предстояло прямаго, обязательнаго повода, было бы недобросовѣстно и отзывалось бы не совсѣмъ христіанскимъ стремленіемъ—напакостить ближнему, каковъ бы онъ ни былъ. Съ другой стороны, оставлять совершено нетронутыми такія личности, какъ К.—въ и Оберъ, было бы, по моему убѣжденію, еще болѣе недобросовѣстно. Поэтому я рѣшился вести и довести дѣло до той степени, чтобы графъ имѣлъ полную возможность оставить этихъ господъ на своихъ мѣстахъ, если они ему нравятся, простивъ имъ различные безпорядки, въ дѣйствіяхъ

ихъ обнаруженные; или имѣть въ этихъ самыхъ безпорядкахъ достаточный поводъ раскланяться съ ними, если они ему противны.

Нѣтъ нужды говорить, что когда начались мои дѣйствія, самъ А. М. Гедеоновъ и второстепенныя личности старались очаровать меня своею предупредительностью. А. М. Гедеоновъ почти каждое утро приглашалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, показывалъ мнѣ какіе-то образцовые или запасные костюмы; разсказывалъ различные театральные анекдоты; однимъ словомъ, былъ любезенъ и внимателенъ ко мнѣ въ высшей степени. К—въ, какъ умный человѣкъ, старался держать себя на ногѣ стараго моего знакомаго, потому что мы дѣйствительно встрѣчались до того времени, и о дѣлѣ, мнѣ предстоящемъ, говорилъ равнодушно, какъ объ извѣтѣ какого-то ничтожнаго негодяя, неимѣющемъ ничего серьезнаго. Аубель былъ воплощенный страхъ и смѣшно было видѣть, какъ боязливо, нерѣшительно появлялась его толстая и неуклюжая фигура предо мной, вслѣдствіе моихъ требованій. Само собою разумѣется, что мнѣ сдѣлалось доступнымъ все, что такъ заманчиво и таинственно для посторонняго въ глубинѣ театральнаго міра. Но я не былъ изъ тѣхъ, для которыхъ этотъ доступъ могъ имѣть особенную драгоцѣнность; тѣмъ не менѣе, я посѣщалъ спектакли театральной школы, въ которыхъ пробуются молодые таланты воспитанниковъ и воспитанницъ; осматривалъ закулисное устройство; присутствовалъ на различныхъ репетиціяхъ и т. п.

Но изъ всѣхъ этихъ выгодъ тогдашняго моего положенія я никогда не забуду одного обстоятельства, которое произвело на меня потрясающее дѣйствіе. Однажды, едва только вошелъ я въ комнату, назначенную для моихъ занятій, какъ является трусливый Аубель, съ словами: «не угодно-ли взглянуть на танцовальный классъ воспитанницъ. Этого никто не можетъ видѣть и для васъ можетъ быть очень интересно». Не совсѣмъ хорошо понимая, въ чемъ могъ состоять этотъ особенный интересъ, я, тѣмъ не менѣе, охотно согласился на это предложеніе и, взявъ шляпу, послѣдовалъ за Аубелемъ по разнымъ длиннымъ коридорамъ, соединяющимъ театральную контору съ театральною школою. «Блуждали долго», какъ поетъ Ваня въ операѣ Глинки, «и наконецъ достигли». Въ одномъ изъ коридоровъ, прилегаю-

щихъ къ танцовальной залѣ, начали уже появляться видѣнія, ослѣпившія мои глаза... Кто не знаетъ, что есть много любителей балетовъ, которые ставятъ балетъ превыше всевозможныхъ зрѣлищъ, потому единственно, что тутъ только можно видѣть прекрасныя женскія ноги, высоко поднимаемыя. Я никогда не находилъ особеннаго наслажденія въ этомъ и, вѣроятно, оттого, что въ волшебныхъ гротахъ, подземныхъ или воздушныхъ царствахъ и вообще въ баснословной обстановкѣ нашихъ балетовъ какъ-то естественно уже видѣть порхающія полуобнаженныя существа. Но въ ту минуту, о которой я говорю, не было никакой фантастической обстановки; напротивъ, была обстановка, крайне прозаическая. Начать съ того, что было утро, довольно пасмурное; церковные колокола звали къ обѣднѣ. Корридоры были весьма грязноваты; по корридорамъ шныряли или неблаговидные чиновники, или грубые сторожа и служители; наконецъ, настроеніе мое было вовсе не поэтическое, но самое серьезное и дѣловое, и вдругъ, среди этого-то вещественнаго міра, въ глазахъ моихъ мелькнули двѣ или три фигуры, способныя возмутить самые возвышенные помыслы. Это были воспитанницы, готовыя къ танцовальному классу, въ костюмѣ, просто возмутительномъ. Сверху хотя и было что-то на нихъ, но это что-то оканчивалось немного ниже пояса, затѣмъ все остальное облекалось однимъ трико и представляло такія возвышенія и изгибы, что умъ затмѣвался. Я помню, кровь бросилась мнѣ въ голову и я не могъ оторвать глазъ отъ зрѣлища, дѣйствительно поразительнаго. Но надо было сохранять приличіе, тѣмъ болѣе, что старый и неуклюжій Аубель, повидимому, привыкшій уже къ такимъ видѣніямъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ тащить меня къ дверямъ танцовальной залы.

Когда мы приблизились къ ней, Аубель предупредилъ меня, что войти туда никакъ невозможно и что только можно взглянуть туда незамѣтнымъ образомъ. Съ этими словами онъ пріотворилъ нѣсколько одну изъ половинокъ дверей, ведущихъ въ залу, и пригласилъ меня смотрѣть въ образовавшуюся такимъ образомъ между половинками дверей щель. Я приблизился къ ней и увидѣлъ огромную залу, по стѣнамъ которой разставлены были воспитанницы въ такихъ же точно своеобразныхъ костюмахъ, какой я изобразилъ выше, и дѣлали различныя движенія,

въ которыхъ подниманіе ногъ на разныя манеры стояло на первомъ планѣ. Посрединѣ залы стоялъ какой-то господинъ, вѣроятно, учитель, и выкрикивалъ различныя команды, по которымъ безчисленное множество ногъ, отбрасываемыхъ въ одну сторону, мгновенно начинали отбрасываться въ другую. Я, впрочемъ, недолго смотрѣлъ на этотъ рѣдкій, для постороннаго, спектакль. Онъ даже и немного интересовалъ меня, потому-ли, что воспитанницы, выровненныя и установленныя по стѣнамъ, не представляли уже такого потрясающаго эффекта, какъ двѣ или три воспитанницы, мелькавшія, въ ихъ соблазнительныхъ костюмахъ съ едва прикрытыми трико формами, среди сторожей и разнаго сброда, или уже чувства мои, пораженныя первымъ впечатлѣніемъ, неспособны были воспринять другаго, столь же сильнаго впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ, я понималъ, что трусливый Аубель оказалъ мнѣ, своего рода, большую услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ нашлись бы люди, готовые охотно бросить тысячи за то, что, по милости и трусости этого господина, я видѣлъ даромъ.

Наконецъ, къ числу выгодъ тогдашняго моего положенія должно отнести также право посѣщать театральную церковь, гдѣ я могъ видѣть старшихъ воспитанницъ школы, выводимыхъ на выставку и плотоядные взоры, бросаемые на нихъ старыми ловеласами, и слышать, на правомъ крылосѣ, нотное пѣніе съ солами Булохова, имѣвшаго тогда еще порядочный теноровой голосъ, а на лѣвомъ—сборную театральную братію, подъ предводительствомъ покойнаго Максимова, хорошаго актера, но жалкаго пѣвца....

Когда мною были собраны и истребованы всѣ предварительныя свѣдѣнія, относящіяся къ моему порученію, я составилъ, слѣдуя закону о формальныхъ слѣдствіяхъ, вопросные пункты и послалъ ихъ К—ву. Разумѣется, штука эта сильно не понравилась ему и поколебала равнодушіе, съ которымъ онъ доселѣ смотрѣлъ на дѣло. И дѣйствительно, могутъ-ли представлять что-либо пріятнаго вопросы: кто ты такой? Какъ тебя зовутъ? Есть-ли у тебя имѣніе? Гдѣ его взялъ? Молишься-ли Богу? и т. п. Я самъ хорошо зналъ, что эти грозные и оскорбительные пріемы далеко не соотвѣтствуютъ маловажности предмета, но долженъ былъ держаться ихъ, въ силу приказанія графа производить формальное,

а не другое, слѣдствіе. Въ то же время отправлены подобные вопросы и другимъ театральнымъ личностямъ. К—въ отвѣчалъ по всѣмъ пунктамъ сухо и сжато. Сущность его отвѣтовъ заключалась въ томъ, что онъ дѣлалъ все, о чемъ я его спрашивалъ, по приказанію и съ разрѣшенія директора.

Централизація, которою зараженъ былъ нашъ административный міръ, въ послѣднее время, стала замѣтно ослабѣвать, вслѣдствіе ударовъ, наносимыхъ ей различными полезными преобразованіями; но въ то время, кромѣ другихъ неудобствъ, ее сопровождавшихъ, она представляла несокрушимую твердыню, за которою безопасно и безнаказанно прятались ловкія личности, подобные К—ву. Кого бы вы ни спросили въ то время, зачѣмъ такая-то гадость сдѣлана?—вы непремѣнно получили-бы отвѣтъ: по приказанію или съ разрѣшенія начальника. Еслибы у васъ явилась охота подобный же вопросъ предложить этому начальнику, онъ непремѣнно сослался бы на своего начальника, и т. д. до самыхъ вершинъ. Естественно, что при такомъ порядкѣ, для ловкихъ людей, ничего не стоило покрыть всякую гадость высшимъ разрѣшеніемъ. Такъ дѣлалъ и такъ отвѣчалъ, ловкій изъ ловкихъ, К—въ. Этого мало, онъ увѣрилъ А. М. Гедеонова, что слѣдствіе производится не надъ нимъ, К—мъ, а надъ нимъ, А. М. Гедеоновымъ, потому что всѣ предметы, по которымъ я спрашивалъ К—ва, утверждены и разрѣшены А. М. Гедеоновымъ. Этотъ добрый баринъ совершенно ему повѣрилъ и ту же мысль заявилъ гр. В. Ѳ. Адлербергу, который, при первомъ свиданіи со мною, сталъ объяснять мнѣ, что А. М. Гедеоновъ первый чинъ двора, какъ и онъ самъ, что слѣдствія надъ нимъ онъ производить не имѣетъ права и что вообще слѣдствію не должно давать широкихъ размѣровъ. Я отвѣчалъ графу, что А. М. Гедеонову я не предлагалъ никакихъ вопросовъ, ни словесныхъ, ни письменныхъ, что К—въ укрывается только за него, что раздраженіе, замѣтное въ театральномъ мірѣ, происходитъ единственно отъ жесткихъ формъ, которыми законъ сопровождаетъ формальное слѣдствіе, что раздраженіе это неминуемо усилится, если продолжать слѣдствіе тѣмъ же строгимъ законнымъ путемъ и что если графу угодно избѣжать этого, то слѣдствіе можно закончить каждую минуту, потому что въ немъ уже есть много данныхъ, по которымъ графъ можетъ составить ясное по-

нятіе о дѣйствіяхъ театральной администраціи. Выслушавъ все это, графъ сказалъ:

— «Я былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы нашли возможнымъ скорѣе кончить это непріятное дѣло».

Помню, это было на второй день Святой недѣли. Я тотчасъ бросился къ Спасскому, переговорилъ съ нимъ, привелъ въ окончательный порядокъ бумаги, къ слѣдствію принадлежащія, составилъ донесеніе графу, въ которомъ изложилъ главныя черты и выводы, добытые моимъ слѣдствіемъ, и чрезъ три дня представилъ все это лично графу. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я самъ прочелъ свое донесеніе. Составлено было оно кратко, ясно, съ ссылками каждой фразы на источники. Различные безпорядки выставлялись, безъ всякаго преднамѣренія, самымъ рельефнымъ образомъ. Приведу одинъ изъ нихъ. Контора театральной школы не представляла за нѣсколько лѣтъ отчетовъ въ громадныхъ суммахъ, на содержаніе школы отпущенныхъ. Ее спрашиваютъ: почему не представляетъ отчетовъ? Она отвѣчаетъ: «причины непредставленія отчетовъ ей неизвѣстны». Когда я окончилъ свое донесеніе, графъ выразилъ полнѣйшее свое удовольствіе и благодарилъ меня. Я счелъ умѣстнымъ заключить эту аудіенцію слѣдующими словами:

— Когда ваше сіятельство удостоили меня этимъ порученіемъ, многіе утверждали, что съ нимъ связанъ вопросъ о моей будущности, и что обширныя и сильныя связи, которыми пользуются театральные администраторы, задавятъ меня. Я не обращалъ вниманія на эти предостереженія и дѣйствовалъ такъ, какъ находилъ, по моимъ убѣжденіямъ, справедливымъ.

Графъ отвѣчалъ: «Если бы я не зналъ васъ и вашихъ правилъ, я бы и не сдѣлалъ вамъ этого порученія».

Тѣмъ дѣло и кончилось. Мнѣ было извѣстно, что мое донесеніе, съ приложеніями, было передано А. М. Гедеонову, который, вмѣстѣ съ К—мъ, представилъ объясненіе о разныхъ смягчающихъ обстоятельствахъ, но это не помогло. К—въ и Оберъ слетѣли съ своихъ мѣстъ и замѣнены двумя чиновниками, взятыми изъ почтоваго вѣдомства, которое графъ, какъ говорили, болѣе любилъ, чѣмъ вѣдомство министерства двора. На мѣсто К—ва назначенъ былъ Борщовъ, а на мѣсто Обера—П. С. Ѳедоровъ...

В. Инсарскій.

Ѳ. Н. ОБЕРЪ.

Изъ петербургскихъ воспоминаній 1840-хъ гг.

Въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. (т. XI, на стр. 303 — 314) помѣщенъ новый отрывокъ изъ „Воспоминаній“ В. А. Инсарскаго Въ немъ говорится, между прочимъ, о бывшемъ начальникѣ С.-Петербургскаго театральнаго училища Оберѣ по поводу изслѣдованія, которое производилъ авторъ, въ 1853 году, по обвиненіямъ театральнаго вѣдомства въ безпорядкахъ, указанныхъ въ доносѣ, поданномъ г. министру двора какимъ-то отставленнымъ отъ службы мелкимъ чиновникомъ театральной дирекціи.

Почтенный авторъ „Воспоминаній“ говоритъ, что Оберъ былъ „знаменитъ тѣмъ, что онъ считался, какъ говорили, самымъ ловкимъ и усерднымъ устроителемъ отношеній театральныхъ воспитанницъ съ сильными міра сего“. Общее же впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія его статьи, таково, что можно заключить, будто Оберъ дѣлалъ немаловажныя злоупотребленія по службѣ. Хотя авторъ прямо и не говоритъ этого и даже подтверждаетъ, что лично даже не видѣлъ никогда Обера, но общій колоритъ представленной имъ картины все-таки бросаетъ на послѣдняго неблагопріятный свѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ возбудить сомнѣнія и недоразумѣнія.

Знавши много лѣтъ Обера, котораго очень долгое время я видалъ, можно сказать, ежедневно, я позволяю себѣ высказать здѣсь истину объ этомъ, во всякомъ случаѣ, довольно замѣчательномъ человѣкѣ.

Ѳедоръ Николаевичъ Оберъ (Aubert) былъ старшій сынъ той г-жи Оберъ, рожденной Шальме, которая много лѣтъ, и до самаго 1812 г., содержала въ Москвѣ, близъ большой Дмитровки, знаменитый въ то время и обогатившій ее, магазинъ модъ и „новостей“ всякаго рода, и о которой нынѣшніе любители старины не разъ читали кое-что

въ мемуарахъ, корреспонденціяхъ и документахъ, относящихся къ той эпохѣ и особенно къ нашествію на Москву французовъ. Во время этого погрома г-жа Оберъ-Шальме (такъ называлась она), осталась въ Москвѣ и признала Наполеоновское правительство. Она успѣла войти въ дружбу съ разными французскими генералами и знатными лицами, которые пировали у ней ежедневно („Русск. Арх.", 1864, изд. 2, стр. 790). Говорятъ, что мужъ ея, г. Оберъ, былъ пожалованъ Наполеономъ, по ея протекціи, въ московскіе плацъ-маіоры (Ibid); но изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ видно, что онъ еще ранѣе вступленія французовъ въ Москву былъ высланъ изъ нея Ростопчинымъ („Русск. Арх.", 1866, стр. 705). Если это послѣднее извѣстіе справедливо, то, конечно, Оберъ былъ въ числѣ 43 французовъ, высланныхъ имъ изъ столицы еще въ половинѣ августа („Слов. Бант.-Кам.", 1847, ч. III, стр. 134). Какъ бы то ни было, но видно, что г-жа Оберъ-Шальме, вѣроятно побоявшись остаться въ Москвѣ по оставленіи ея французами, отправилась оттуда вслѣдъ за арміей Наполеона („Русск. Арх.", 1872, стр. 2,431). Незадолго до того она письменно просила Наполеона возвратить изъ ссылки ея мужа и опредѣлить въ одинъ изъ французскихъ лицеевъ двухъ сыновей ея (Ѳедора и Лаврентія Николаевичей), присовокупляя къ тому, что раззоряется въ конецъ, будучи вынуждена бросить въ Москвѣ имущество свое, цѣною слишкомъ на 500,000 франковъ. (Ibid., 1866, стр. 705 и 1872, стр. 2,431). Дѣйствительно Ростопчинъ, возвратившись въ Москву съ прочими городскими властями, нашелъ, естественнымъ образомъ, послѣ такого погрома, очень мало предметовъ для удобствъ ихъ жизни и даже необходимостей ея. Онъ разрѣшилъ своимъ подчиненнымъ брать изъ уцѣлѣвшаго магазина Оберъ-Шальме что имъ потребуется (Ibid., 1866, стр. 705, 709 и 729), а оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ тамъ даже поселился. (Ibid., стр. 728). Такая безцеремонность многими строго осуждалась уже и тогда (Ibid., 1872, стр. 2,431), особенно въ виду слуха, будто было высочайше повелѣно продать ея товары въ пользу бѣдныхъ. (Ibid.). Если представить себѣ, что при такихъ распоряженіяхъ Ростопчина необходимо должна была въ то время господствовать въ Москвѣ и страшная неурядица вообще, то понятно, что все имущество г-жи Оберъ-Шальме должно было быть сполна разобрано, а затѣмъ и расхищено. Дальнѣйшихъ извѣстій о судьбѣ ея и ея мужа, а равно и о дѣтствѣ и юности двухъ сыновей ихъ я не знаю, или быть можетъ—не помню вовсе. Могу только сказать, что сыновья эти должны были, возмужавши, приняться за жизнь трудовую, лишившись всего достоянія, которое сулила имъ судьба въ ихъ младенчествѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ бывшій впослѣдствіи директоромъ императорскихъ театровъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ. Наставникомъ при двухъ сыновьяхъ его, Михаилѣ и Степанѣ Александровичахъ, сдѣлался тогда Ѳедоръ Николаевичъ Оберъ. Я сказалъ уже, что мнѣ неизвѣстно, гдѣ и какъ онъ получилъ самъ образованіе, но несомнѣнно то, что оно было самое солидное и многостороннее. Доказательствомъ тому служатъ его ученики, которые безспорно могутъ считаться въ числѣ самыхъ просвѣщенныхъ и даже ученыхъ людей своего поколѣнія; они получили самое разностороннее и прочное образованіе, начиная съ глубокихъ познаній въ классическихъ языкахъ. Старшій изъ нихъ, Михаилъ Александровичъ, состоявшій долгое время драматическимъ цензоромъ, а въ послѣдніе годы своей жизни служившій въ военномъ министерствѣ и умершій въ концѣ 1850-хъ годовъ, былъ большой домосѣдъ, рѣдко посѣщалъ свѣтъ и, ограничиваясь небольшимъ дружескимъ кругомъ, не былъ такъ извѣстенъ въ обществѣ, какъ младшій его братъ. Но знавшіе его, въ томъ числѣ и я, могутъ засвидѣтельствовать, что рѣдко встрѣчали въ комъ-либо столько ума и познаній, какъ въ покойномъ. Младшій братъ его, Степанъ Александровичъ, нынѣшій директоръ императорскихъ театровъ и эрмитажа, кончившій въ 1835 году курсъ въ здѣшнемъ университетѣ кандидатомъ по историко-филологическому факультету, очень извѣстенъ и въ обществѣ, и въ литературѣ. Онъ авторъ драмы „Смерть Ляпунова“ (1846), чрезвычайно важнаго историческаго разсужденія: „Отрывки изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ“ (Прилож. къ 1 и 2 томамъ Записокъ Императорской Академіи Наукъ) и пр. Объ этомъ разсужденіи М. П. Погодинъ, бывшій еще въ Москвѣ его учителемъ исторіи, говорилъ мнѣ, что до появленія онаго, онъ безъ труда отвѣчалъ всегда на всѣ возраженія, какія дѣлались его теоріямъ о происхожденіи Руси, и что только положенія С. А. Гедеонова, по ихъ послѣдовательности и по ученой ихъ обстановкѣ, заставили его потрудиться не мало за отвѣтомъ на нихъ. Что касается до искусствъ и художествъ, то по всѣмъ отраслямъ ихъ признанъ авторитетъ С. А. Гедеонова, посвятившаго имъ замѣчательныя изслѣдованія и труды. Замѣчу кстати, что когда пріѣхалъ сюда Рубини и основалась здѣсь итальянская опера, то среди нелѣпицъ, наводнившихъ тогда нашу журналистику въ статьяхъ о музыкѣ, появилась однако превосходная, статья его (безъ подписи имени) „Рубини и итальянская музыка“ („Отеч. Зап.“, 1843, т. XXIX, отд. 2, стр. 33), объяснившая публикѣ и значеніе этой музыки, отъ которой у насъ тогда отвыкли, и качества величайшаго изъ пѣвцовъ нашего времени.

Образованіе такихъ учениковъ, хотя бы усовершенствовавшихся и развившихся вполнѣ уже впослѣдствіи, лучше всего доказываетъ, что Ѳ. Н. Оберъ былъ человѣкъ съ выходящими изъ ряду познаніями и дарованіями.

Въ 1833 году, Александръ Михайловичъ Гедеоновъ былъ назначенъ директоромъ петербургскихъ театровъ, на мѣсто князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина („Русск. Арх.“, 1870, стр. 1,557) и переселился съ семействомъ въ Петербургъ. Въ то же время переѣхалъ туда и Оберъ, получившій вскорѣ мѣсто преподавателя французскаго языка въ театральномъ училищѣ, а потомъ и его инспектора классовъ. Нечего говорить, что воспитанники и воспитанницы ученьемъ занимались тамъ мало; все время ихъ употреблялось на иныя, чисто театральныя, занятія, и Оберу не пришлось, конечно, сдѣлать улучшеній по этой части. Я говорилъ уже о немъ однажды печатно, по поводу относящагося къ этой эпохѣ эпизода, о нѣкотораго рода соперничествѣ его съ водевилистомъ А. И. Булгаковымъ, влюбленнымъ въ извѣстную красавицу, воспитанницу А. М. Степанову („Русск. Арх.“, 1869, стр. 351). Можно себѣ представить, чему и какъ учились тогда въ училищѣ эти прелестныя феи, если вспомнить анекдотъ, ходившій долго по театральному міру,—будто эта самая А. М. Степанова, на выпускномъ экзаменѣ, на вопросъ: „какой самый большой городъ въ Европѣ?“—отвѣчала: „Азія!“ Въ 1842 году Оберъ назначенъ былъ на мѣсто уволеннаго Дмитрія Яковлевича Ѳедорова (женатаго на прекрасной собою танцовщицѣ Монготье), управляющимъ театральнымъ училищемъ и занималъ эту должность до 1853 года. Вышедши въ отставку, Оберъ распродалъ свою очень замѣчательную библіотеку, служившую лучшимъ украшеніемъ квартиры его въ домѣ театральной дирекціи, и въ 1854 году уѣхалъ во Францію, гдѣ кажется года черезъ полтора или два и умеръ, о чемъ я узналъ въ Москвѣ, отъ А. М. Гедеонова. Младшій братъ его, Лаврентій Николаевичъ, служитъ нынѣ и уже издавна въ московской театральной дирекціи и очень любимъ въ Москвѣ за свои любезныя качества.

Знакомство мое съ Ѳ. Н. Оберомъ началось въ 1840 или 1841 году. Это былъ человѣкъ сорока съ небольшимъ лѣтъ, одѣтый по-стариковски, высокаго роста, широкоплечій, что называется „здоровенный“, даже тучноватый; волосы его, уже съ просѣдью, были коротко острижены; небольшія бакенбарды окаймляли его умное, подвижное лицо съ крупными чертами, которыя при разговорѣ чрезвычайно оживлялись и мѣнялись, сообразно съ тѣмъ, какой характеръ принималъ этотъ разговоръ; густыя брови осѣняли золотые очки, сидѣвшіе довольно низко на носу, около котораго помѣстилось родимое пятно.

Тѣлодвиженія его были медленны, но когда разговоръ оживлялся, то онъ предавался сильной жестикуляціи. Голосъ Обера былъ громкій, внятный, способный выражать всякіе оттѣнки мыслей и впечатлѣній. Говорилъ онъ по-французски въ высшей степени правильно, изящно и живописно, а по-русски—бѣгло, съ чистымъ выговоромъ, но нѣсколько книжно, дѣлалъ иногда промахи, употреблялъ иногда галицизмы, какъ обрусѣлый иностранецъ, и вставлялъ нерѣдко въ русскую рѣчь французскія слова и наоборотъ. Въ 1840 году онъ ѣздилъ въ Парижъ съ пріятелемъ своимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ („Рос. род. кн. кн. П. Долгор.“, т. I, стр. 307, № 306), и едва-ли это былъ не единственный выѣздъ его изъ Россіи до отставки.

Разговоръ Обера былъ настоящій и постоянный фейерверкъ и надобно было изумляться тому, сколько расточалъ онъ ежедневно веселости, остроумія и разнороднѣйшихъ познаній въ своихъ бесѣдахъ. Новости городскія, политическія, открытія въ нѣкоторыхъ наукахъ и искусствахъ,—все занимало его, все служило предметомъ для его непстощимыхъ импровизацій, въ которыхъ онъ поперемѣнно то смѣшилъ до слезъ, то заставлялъ внимательно слушать себя и удивляться множеству и разнообразію своихъ свѣдѣній, которыя излагалъ необыкновенно точно и ясно даже для людей совершенно незнакомыхъ съ предметомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ чуждъ сплетничанья, и я не помню, чтобы когда-нибудь произошло даже какое-либо недоразумѣніе отъ его нескромностей или пересказовъ.

Оберъ былъ однимъ изъ величайшихъ эпикурейцевъ, какого мнѣ случалось встрѣтить; онъ любилъ много и хорошо поѣсть, могъ пить чрезвычайно много, особенно любимое имъ и почти исключительно истреблявшееся много лѣтъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ „Bourgogne mousseux“ изъ виноградниковъ „Jules Lausseure“. Очень часто садясь за столъ, онъ принималъ комически-торжественный видъ и говорилъ: „Mes amis, mangeons bien, mangeons longtemps, surtout mangeons beaucoup et buvons encore plus“. Но это „mangeons“ и „buvons“ не мѣшало ему быть душою застольной бесѣды; при немъ немыслимы были ни скука, ни апатія. Вечеромъ Оберъ любилъ играть въ карты по маленькой и особенно въ домино вчетверомъ, продолжая притомъ поддерживать живой разговоръ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что Оберъ былъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ въ кружкахъ, гдѣ любили удовольствіе стола и пріятную бесѣду. Такъ называемая французская колонія носила его на рукахъ; веселые театралы безъ него жить не могли, и онъ вполнѣ отдался этому заманчивому теченію жизни. Его, такъ-сказать, главная

квартира была у Дюмѣ (на углу Малой Морской и Гороховой, въ домѣ Смурова, гдѣ теперь аптека), за „table d'hote", котораго сходилось къ обѣду множество умницъ и весельчаковъ, русскихъ и иностранцевъ, особенно французовъ, остававшихся тамъ нерѣдко до поздняго вечера, а иногда и до глубокой ночи.

Если сообразить условія тогдашняго (нынѣшнее мнѣ неизвѣстно) положенія театральнаго училища, при которыхъ ученье не могло въ немъ идти иначе, какъ крайне неуспѣшно, то можно себѣ легко вообразить, что не отъ Обера, при его лѣни и разсѣянномъ образѣ жизни, можно было ожидать иниціативы или попытокъ для улучшеній по этой части. Все шло по старому. Забавно, что въ учебной программѣ училища значились и разные серьезные предметы, напр. тамъ преподавали... кто бы подумалъ?..—„Древности"!! Помню, что разъ я спросилъ Обера, что̀ могъ передавать по этой части воспитанницамъ учитель этого предмета Александръ Петровичъ Алимпіевъ, глухой педагогъ, дававшій уроки русскаго языка во многихъ другихъ заведеніяхъ? „Ah, mon cher!" отвѣчалъ Оберъ; „je l'ignore absolument et m'en soucie encore moins" (любимое его выраженіе, которое называлъ онъ: „le superlatif des superlatifs"); „je crois qu' il vient leur parler quelquesfois du tric linium, du proscénium et d'autres choses que ces demoiselles n'entendent pas dutout". Вообще учебная часть въ училищѣ служила предметомъ частыхъ шутокъ и насмѣшекъ. Одно время Оберъ увѣрялъ, что воспитанница драматическаго класса Р. искупаетъ некрасивую свою наружность успѣхами и познаніями. Покойный Михаилъ Львовичъ Неваховичъ, не издававшій еще въ то время свой „Ералашъ", рисовалъ тогда свои каррикатуры красками на небольшихъ листкахъ и приносилъ ихъ вечеромъ въ театръ, гдѣ они ходили по рукамъ, къ крайнему безпокойству многихъ, имѣвшихъ основаніе опасаться: не ихъ-ли личность изображена на предательскомъ листкѣ, возбуждающемъ смѣхъ въ партерѣ. По поводу Р. и отзыва о ней Обера, Неваховичъ сейчасъ же пустилъ въ ходъ картинку: черномазая Р. стоитъ передъ Оберомъ, держащимъ въ рукѣ глобусъ. Внизу подпись: „Оберъ": Что̀ это такое? „*Р.*" „Это—капуста". Каррикатуристъ примѣнилъ тутъ къ случаю забавную сцену между П. А. Каратыгинымъ и покойнымъ Мартыновымъ въ бывшемъ тогда свѣжею новинкой водевилѣ перваго изъ нихъ „Школьный учитель". Оберъ, разумѣется, первый хохоталъ надъ этой шуткой.

Вообще Оберъ былъ самый плохой служака, не имѣлъ понятія о формахъ службы, скучалъ оставаться въ стѣнахъ училища и театральной дирекціи, бывалъ тамъ только ровно столько времени, сколько требовало наружное приличіе и при первой возможности кучеръ его

Никита (такъ звалъ онъ его, ударяя на послѣдній слогъ), правя гнѣдымъ „Шестнадцатымъ“, (прозваннымъ такъ въ воспоминаніе памятнаго дня жизни его господина) уже везъ его куда нибудь подальше отъ Театральной улицы. Оберъ даже рѣдко посѣщалъ спектакли и являлся тамъ лишь на короткое время, хотя былъ знатокъ драматическаго искусства и даже немного „музыцировалъ“; онъ любилъ послѣ обѣда болтать, играя у Дюме въ домино вчетверомъ, „en partie liée, en jouant le rouble et demie et la bouteille de Bourgogne mousseux“, а не сидѣть въ душной театральной залѣ.

Вообще никто изъ служащихъ при театрѣ не былъ, я думаю, такъ чуждъ интересамъ, интригамъ, событіямъ театральнаго міра, какъ Оберъ, несмотря на то, что онъ двадцать лѣтъ въ немъ вращался. Сослуживцы не смотрѣли на него какъ на „своего“ и онъ всегда былъ далекъ отъ ихъ союза. Близко знакомъ онъ былъ развѣ только съ начальникомъ репертуарной части Александромъ Львовичемъ Неваховичемъ, имѣя съ нимъ общія знакомства и общественныя отношенія внѣ собственно театральнаго круга и съ нѣкоторыми французскими артистами. Какъ я сказалъ уже, Оберъ занимался тѣмъ, что происходило въ театральной сферѣ лишь настолько, насколько въ этомъ представлялось пищи для комическихъ или вообще оригинальныхъ разсказовъ. Съ подчиненными ему воспитанницами старался онъ имѣть какъ можно меньше сношеній и лишь изрѣдка отпускалъ мимоходомъ которой-нибудь изъ нихъ шутку или намекъ на счетъ ея обожателя. Охраной ихъ на репетиціяхъ, прогулкахъ, во время переѣздовъ между училищемъ и театромъ были его помощники, Александръ Андреевичъ Унгебауеръ, а въ самые послѣдніе годы — Аубель; самъ же Оберъ даже и не приближался никогда къ „линіямъ“, въ которыхъ возили воспитанницъ и которыя вереницей провожали многочисленные театралы.

Въ 1853 году, къ которому относится разсказъ В. А. Инсарскаго, сношенія мои съ театральнымъ міромъ были уже не прежнія, а довольно далекія и ограниченныя, а потому я и не могу ничего прибавить къ сообщеннымъ въ этомъ разсказѣ извѣстіямъ. Обера видѣлъ я тогда уже гораздо рѣже, а въ маѣ 1854 года я оставилъ совсѣмъ Петербургъ и въ Москвѣ, какъ уже сказалъ выше, узналъ о его кончинѣ во Франціи. Смерти его предшествовало сильное разстройство его еще недавно желѣзнаго здоровья,—едва ли не послѣдствіе разныхъ невзгодъ и огорченій, испытанныхъ имъ въ послѣднее время его пребыванія въ Россіи.

„И такъ, сами вы“, скажетъ мнѣ, быть можетъ, читатель, „признаете, что Оберъ былъ очень плохой чиновникъ и вообще служака;

объ чемъ же и говорить, если вы свидѣтельствуете о томъ же, что подтверждаетъ В. А. Инсарскій?"

На это я могу отвѣчать, что я и не думаю отрицать того, что Оберъ былъ плохой чиновникъ, но хочу только, чтобы изъ чтенія статьи В. А. Инсарскаго кто-либо не могъ заключить „по недоразумѣнію", что Оберъ былъ чиновникъ любостяжательный, пользовавшійся казенными деньгами, и безчестный, служившій въ самомъ дѣлѣ любовнымъ Меркуріемъ при „сильныхъ міра сего".

Такое мнѣніе было бы крайне ошибочно, въ этомъ я увѣренъ не только по внутреннему убѣжденію, вынесенному изъ долголѣтняго знакомства съ Оберомъ, но и основываясь на тѣхъ фактахъ, которые я привелъ. Характеръ Обера, складъ его ума, привычки, образъ жизни, отношенія его къ сослуживцамъ и подчиненнымъ, словомъ все доказываетъ, что онъ даже не съумѣлъ бы (если бы только можно было допустить съ его стороны хотѣніе) заняться хищеніями или угодничествомъ относительно какихъ-либо безнравственныхъ отъ него требованій, да онъ и не имѣлъ бы на то достаточно времени. Для того и другаго ему нужно было бы прежде всего жить исключительно въ чисто-театральной сферѣ, а затѣмъ имѣть въ ней разныя постоянныя и тѣсныя связи съ тѣми, кто вращался въ ней, такъ или иначе „ex officio". Между тѣмъ, Оберъ опрометью убѣгалъ при первой возможности изъ театра, училища и дирекціи; держалъ себя далеко отъ лицъ, которыя населяли этотъ міръ, и его общественныя связи были преимущественно внѣ собственно театральнаго круга. Лѣнь, нерадѣніе, неумѣлость и происходящіе отъ того безпорядки,—все это я допускаю, когда рѣчь идетъ о службѣ Обера, но чтобы предположить, что онъ самъ дѣлалъ умышленныя злоупотребленія и занимался презрѣннымъ ремесломъ,—это я категорически отрицаю.

Я пишу не панегирикъ Оберу, самъ знаю, какіе были его недостатки и слабости, и не скрываю ихъ. Но, припоминая при случаѣ, насколько могу, давно прошедшее, я почелъ за долгъ совѣсти сказать истину и помянуть добромъ человѣка рѣдкаго по уму, просвѣщенію и общительности характера, съ которымъ провелъ я когда-то безчисленное множество пріятнѣйшихъ часовъ молодости и которому даже обязанъ тѣмъ, что въ бесѣдахъ съ нимъ узналъ въ свое время многое изъ запаса его свѣдѣній, дѣлавшихъ его живою энциклопедіею.

Михаилъ Лонгиновъ.

3-го октября 1874 г.